

Ее голос привлек внимание Вэй Куня и герцога Ина, остальные взрослые друг за другом тоже повернулись в их сторону. Вэй Кунь удивленно произнес: “А Ло? Почему ты здесь?”

Вэй Ло подняла свое ясное и яркое маленькое личико, показав ямочки, улыбнувшись. Ее слова были очень умными: “Я пришла, чтобы дать старшему брату принцу Цзин это лекарство, потому что на руке старшего брата принца Цзин рана. Лекарство быстро залечит рану”.

Закончив говорить, она протянула свои короткие руки, но, видя, что Чжао Цзе не брал лекарство, она просто схватила его большую руку и, слегка раскрыв пальцы, положила белую фарфоровую глазурованную бутылку в нее. “Старший брат, применяй его каждый день два раза в день, и поправишься очень быстро”.

Голос маленькой девочки был липко-сладким. С этого угла, ее ресницы казались длинными и густыми, скрывая, пару светлых и живых больших глаз. Какое выражение было у этих глаз прямо сейчас? Хитрое или искреннее? Чжао Цзе размышлял задумчиво, затем сжал ладонь и положил бутылку в мешочек, и края его губ слегка приподнялись в улыбке: “Откуда ты знаешь, что моя рука ранена?”

Плечи Вэй Ло вздрогнули. Она отступила на два шага, чтобы встретиться с ним взглядом. По сравнению с ней он был намного выше. В ее нынешнем возрасте она была слишком низкой ростом и ее шея уставала, когда она смотрела на взрослых. На ее лице не было ни малейшего намека на стыд, когда она твердо ответила: “Когда мы встретились на переднем дворе минуту назад, рукав старшего брата поднялся, и А Ло увидела”.

Ее объяснение не было лишено смысла.

Чжао Цзе улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить ее голову, большим пальцем потирая лоб. Он сказал серьезно: “Спасибо, ты внимательна”.

Его пальцы были длинными и сильными. На солнце они, казалось, сияли, как белый нефрит, действительно как пара, принадлежащая человеку из авторитетной семьи. Он случайно задел челку на лбу Вэй Ло и увидел ярко-красную маленькую родинку между бровями маленькой девочки. С этой родинкой на ее белом и нежном маленьком лице она выглядела еще более нежной, очаровательной и милой. Чем дольше он смотрел, тем больше казалось, что она сошла с картины, ее губы, как вишня, а зубы, как жемчуг. Чжао Цзе отвернулся и больше не смотрел на нее. Вместе с герцогом Ином он вышел из резиденции герцога.

Вэй Ло стояла во дворе и размышляла. Он принял лекарство, это же значило, что она была прощена, да?

Она не могла прочесть мысли Чжао Цзе, но она чувствовала, что мысли этого человека были глубоки, сложны, и понять их было трудно. Она попыталась вспомнить о Чжао Цзе из прошлой жизни. Он был умным и выдающимся, благородным и красивым, фаворитом отставного императора. Ему было присвоено звание принца в двенадцать лет. Он действовал твердо и дальновидно, очень быстро собирая группу надежных помощников. После смерти ушедшего в отставку императора, Императора Чун Чжэнь, который был недоволен его (Чжао Цзе) растущими амбициями, вскоре нашел повод, чтобы отправить его в Ужун, укреплять тело в течение ровно трех лет. Если посчитать дни, то он должен был недавно вернуться из Ужуна. После возвращения он обнаружил, что в императорском дворе произошли большие структурные изменения. Император Чун Чжэнь яростно поддерживал своего младшего брата Чжао Чжана, даже намереваясь сделать его коронованным принцем...

Если воспоминания были верными, Чжао Чжан был сыном благородной наложницы Нин.

Был ли разум императора ослеплен любовью, когда он оставил совершенного с головы до ног законного сына и настойчиво поддерживал незаконнорожденного?

Вэй Ло молча рассуждала, у королевской семьи было слишком много очень сложных секретов, и она не могла сразу все понять. В любом случае, насколько она помнит, Чжао Цзе позже станет тем, кто перевернет все уровни общества.

*

Проводив Чжао Цзе, Вэй Куьн взял Вэй Ло с собой, чтобы вернуться в Сосновый двор.

Что касается двора Гинкго, то там было еще беспокойнее. Госпожа Ду не могла встретиться с Вэй Кунем, поэтому она придумала другой способ и связалась с третьей госпожой Лю. Громко рыдая, она излила свои большие страдания госпоже Лю, а затем попросила ее пойти в Сосновый двор и убедить Вэй Куня вернуть ее, так как она больше не могла жить в этом месте.

Вэй Кунь откинул рукава и остался равнодушным: “Если она не может больше жить там, то пускай возвращается в резиденцию графа Чжуньи!”

Вернуться в дом матери разведенной и беременной, какой бы это был большой позор? Что подумают другие люди? Они бы, конечно, предположили, что у госпожи Ду был роман с кем-то, и ребенок был не от Вэй Куня, поэтому он не мог простить ее. И тогда пострадает не только репутация госпожи Ду, но и все остальные молодые леди в резиденции графа Чжуньи не смогут выйти замуж.

Госпожа Лю не ожидала, что даже через несколько дней, Вэй Кунь все еще будет злиться. Набрав полный рот чая, она сказала ему: “Как пятый зять может так говорить? Пятая невестка была с вами и в радости и в горе, все эти пять лет она помогала вам управлять домом. Даже не получая признания, она много работала ... она допустила лишь одну ошибку из-за того, что запуталась. Вы правильно сделали, что наказали ее за проступок, но отказ идти на компромисс так долго – это не выход, – она взглянула на Вэй Ло, которая сидела на руках Вэй Куня, с ничего не выражавшим лицом, – в конце концов, пятая невестка беременна, она должна хорошо заботиться о себе, но она живет в месте, где никто о ней не может позаботиться. Если ребенок будет мальчиком, то у А Ло появится еще один младший брат, поэтому жить в том месте просто недопустимо...”

Вэй Ло не понравилось выражение ее глаз, она чувствовала себя очень неловко. Поэтому зарылась глубже в объятия Вэй Куня и игнорировала ее.

Интуиция А Ло была очень точной. В прошлой жизни она не нравилась госпоже Лю, и в этой жизни все было по-прежнему. Госпожа Лю была очень добра к Вэй Чжэн, но к А Ло и Чанхуну она не очень тепло относилась. Иногда даже чувствовалась ненависть. Раньше А Ло не могла понять причину этого, но теперь она начала догадываться...

В тот день в приемном павильоне, когда они обсуждали, как поступить с госпожой Ду, Вэй Ло подглядывала снаружи, и, естественно, тоже видела конфликт между третьим дядей и отцом. Потом дядя вышел и посмотрел на нее с несколько рассеянным выражением лица, как будто он смотрел на кого-то другого.

А Ло не была дурочкой. Поведение третьего дяди было настолько очевидным, что нужно быть совсем глупой, чтобы не догадаться, в чем было дело.

Вэй Кунь ничего не отвечал. Вэй Ло боялась, что он смирится, поэтому она возразила, пробормотав в его объятиях: “У меня есть только один младший брат – Чанхун, мне не нужен никакой другой младший брат”.

Ее беспокойство не было необоснованным. Характер Вэй Куня был мягким и легко колеблющимся, а третья тетя была довольно красноречива. Возможно, она смогла убедить Вэй Куня несколькими словами. Разве это правильно? Ведь тогда госпожа Ду слишком легко отделается.

Госпожа Лю посмотрела на нее со странной улыбкой: “Сын госпожи – твой младший брат, как А Ло может говорить, что он ей не нужен?”

Вэй Ло не смотрела на нее. Она опустила голову и взяла руку Вэй Куня, играя с пальцами, перебирая каждый палец по очереди, и бормоча что-то, словно была обижена: “А Ло просто не хочет”.

По большей части, ребенок пережил такую сильную травму на обратном пути из храма Хуго, что она не могла не дрожать при одном упоминании госпожи Ду. Вэй Кунь наблюдал за ней с нежностью, его руки прижимали Вэй Ло еще ближе, и он ответил госпоже Лю: “Третья невестка не должна снова заставлять меня изменить мнение. Госпожа Ду совершила ошибку и заслуживает наказания. Что касается ее ребенка, будь то сын или дочь, дождемся, когда она родит, а потом уж поговорим! Я не буду обсуждать этот вопрос снова, третьей невестке пора идти”.

Иными словами, госпожа Ду должна была жить во дворе Гинкго, по крайней мере, до тех пор, пока не родит?

Лицо госпожи Лю дрогнуло. Хотела она сказать что-то еще или нет, но у нее не было веской причины остаться. Она встала, чтобы уйти. Она не отправилась сразу в третий дом, а повернула на полпути, чтобы пойти во двор Гинкго, чтобы лично передать слова Вэй Куня госпоже Ду.

Госпожа Ду слушала ошеломленно. Сидя в кресле, она долго не могла прийти в себя.

Жить здесь еще восемь месяцев, да она не могла оставаться здесь даже на день дольше! Дом был простым и грубым, с двумя служанками. Хотя служанки не были с ней жестоки, но, в конце концов, все было совсем по-другому по сравнению с ее предыдущей жизнью. Раньше это была роскошная жизнь. Десятки служанок и старых слуг всегда рядом, и кто бы ни видел ее, всегда был с ней вежлив и почтителен, называя ее пятой госпожой. Теперь она была заперта внутри этого небольшого двора, и ей тяжело было видеть лицо собственной дочери. Как она могла смириться с таким унижением?